

Победа... Это слово звучит сегодня с особенной силой. 30 лет великому подвигу советского народа, отстоявшего честь и независимость Родины. Подвиг этот по сей день продолжает волновать сердца людей. Военно-патриотическая тема — одна из главных тем в творчестве «магнитовцев».

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Первосвященна русская земля,
когда в годину беспощадной сечи
солдаты шли в кровавые поля,
навстречу пуле и судьбе навстречу...
Первосвященна русская земля,
когда, победы зачерпнув шеломом,
со стороны заката пролегла
дорога бесконечных эшелонов.
Первосвященна русская земля,
первосвященны человеки руки,
когда опять бросали горсть семян
на землю, огрубелую от муки...
Первоисточник вечного тепла,
исток людей, одновременно — устье...
Среди святого в человеческих
чувствах —
первосвященна русская земля!

Девятый день сияющего мая...
Девятый день, призывно голубой...
у стариков не умолкает боль,
у ветеранов раны не стихают.
И не иначе — только так и быть!
Когда войною каждый шаг отмечен,
когда нельзя прошедшее забыть —
то все воспоминания — на плечи!
В девятый день сияющего мая
за чаркой водки, за прогорклой,
злой,
седые ветераны поминают
товарищей, умолкших в штыковой...
Девятый день сияющего мая.
Ушла зима, и даль опять ясна,

Борис КУРКИН

ушла зима, снегами истекая.
И вновь освобожденная весна!
Весна... Дожди спешат
по водостоку.
Весна... течет голубизна с высот.
В такие дни не верится в жестокость,
не веришь в пулю, вбитую в висок.
Ты веришь небу, светлому лучисто...
Ты веришь этой зоревой земле,
но не поверить ненависти мне,
и, хоть убей, не верится в убийство.

Жестокость обожженного июля —
взметнулся дыбом дымный

горизонт,
и парень рухнул от горячей пули,
сметенный пулеметною грозой.
Среди полей, среди сожженных сел
спиной к рассвету падал парень...
Сквозь сито пуль и пулеметный

пламень
не выжил, не пробился, не прошел.
Но над землей промчится много лет,
то ласковых, то огненных,

то строгих,
и я пойму, пройду его дорогу —
наследье тех, которых с нами нет.
И станет вечным кровное родство,
они собой пронзили судьбы наши,
как соль земли — березовый

росток,
как свет — зерно на разогретой
пашне.

Геннадий КОРЧАГИН

МОЙ КОМСОМОЛ

В буденовках-ушанках,
в шеренгах строевых,
в седле и на тачанках,
в походах боевых...
Ты сильный был и ловкий —
в крови горячих ран,
в руках держа винтовку,
летел, как ураган.
Врага разил сналета,
шалея на ветру.
Бойница пулемета
остыла поутру.
Каурые плясали
и грызли удила.
И домны поднимали
стальные купола.
Ковал лихие реки
в железо и бетон,
бурил стволы и штреки,
вел новый перегон.
Сверясь по курганам,
шел с юга на восток,
и города-гиганты
врастали в цепь дорог.
Садился ты на танки,
созвездья «Мигов» вел —
мелькали полустанки,
Орел, Смоленск, Оскол!
Над сверженным рейхстагом
тот флаг был в шрамах весь,
но в нем твоя отвага
впечаталась и честь!
Мы крепили в юной силе,
трудились под кумачом,
поднятым над Россией
Великим Ильичем!

Глеб МУКМИНОВ

НО ЕСТЬ ПОБЕДА...

Спускался снег, а может быть, он падал,
как падает усталый человек,
под тяжестью своих свинцовых век,

взяв на себя весь дождь из автоматов.
Но он вставал и видел наши лица,
держа в руках несломленный рассвет,
где до сих пор его хранится след —
багровый шрам немеркнувшей зарницы.
Спускался снег — потомок того снега,
летящего с солдатами вперед.
Упал один солдат — но есть народ,
победа есть во имя человека!

Эвальд РИБ

ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО

Весной всегда сосульки плачут,
бывает первая гроза.
Последний бой, когда был начат, —
светились наши небеса.
Нет, никогда я не забуду:
Смеялись дети на заре,
и крепко обнимались люди,
плясали, плача, во дворе.
Услышал я, как на рассвете
шумели русские леса.
В победный день с лица планеты
упала в сердце мне слеза.

Людмила РЕТУНСКИХ

ПАМЯТЬ

Книга в руках моих стонет от боли.
Вся, словно рана, она кровоточит.
Вся, словно только что вышла из боя...
Сколько еще недописанных строчек?..
Память людей, словно дым от пожаров.
Память хватает за сердце руками.
Больно же, память, ну что ты там
шаришь!..
Память не вырвешь. Росла вместе с нами...

Вечный огонь. Из цикла «Память»
Рисунок П. Хныкина.

Прага встретила меня жарой, в синем небе над острыми крышами висело ослепительное солнце. Это были мои последние дни в Чехословакии, где я гостил у родственников. За несколько дней успел посмотреть немало, впечатлений было такое множество, что не успевал удивляться. Горная Словакия с кристально чистыми озерами, Моравия, пересеченная бесчисленной сетью горных рек, зеленые холмы Чехии...

«Но не увидев Праги,

Иван ЖИРОШ

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК

ПРОДАВЕЦ СУВЕНИРОВ

считаю, что не был в Чехословакии», — сказал мне кто-то во время путешествия по стране. И вот поезд принес меня к древнему славянскому городу. Спутники мои — двоюродный брат Ян и его молодая жена Божена. Они закончили Пражский университет, чем очень гордятся Ян. Еще бы! Этот университет самый древний в Европе. Естественно, и Яну, и Божене хотелось посетить место своей учебы, Прагу. Масса впечатлений — Карлов мост, Вацлавская площадь, Пражский кремль...

Поездка подходила к концу. Скоро отъезд. След от Праги — три кассеты фотоленки за день.

— А сувениры? — спохватился я.

Не хотелось уезжать

без тех праздничных безделушек, какими славится Прага.

— Это на Староместской площади, у здания ратуши, есть небольшой магазин, — сказал Ян и первым направился туда.

— Ты на исторической площади, — объяснил Ян. — Обрати внимание вон туда. — Он показал рукой на стены ратуши.

Я увидел небольшую мраморную доску, матово поблескивающую в тени стены. Золотые буквы: «9 мая 1945 года армия Советского Союза

И мне показалось, что взгляд женщины стал внимательнее, сосредоточеннее. Какая-то тень пробежала по ее лицу.

— Вы... Вы из России? — спросила она. Тоже по-русски.

Я удивленно кивнул головой, еще не уяснив того, что она говорит на нашем языке. Заметив мое смущение, женщина проговорила:

— А я уже тридцать лет отсюда.

Печально проговорила, тихо.

Несколько минут мол-

чалась до Чехословакии, приоткрыли добрые люди. Потом — подпольная работа. И вот эта страна стала второй родиной.

— Да, — лишь вздохнул я. Как это неожиданно: русская женщина, воевавшая за Чехословакию и не оставившая ее.

— А сейчас хорошо живу, — вдруг оживленно, словно спряхивая тяжесть воспоминаний, заговорила она. — Два сына, Владимир и Павел, муж.

Вместе прошли подполье. И... — улыбнулась она, — поняла, что не можем друг без друга.

— Скавав это, повеселела, посветлела. Казалось, и морщины разгладились. Вспомнила:

— А... Вам сувениры, вот, пожалуйста. Подала сверток, развернула его. — Матрешки... — удивилась я...

Может, это незначительный эпизод, но и теперь, спустя годы, я помню его предельно отчетливо.

От денег она отказалась. «А что бы ей подарить?» — мелькнула мысль.

— Ян, дай мой транзистор.

— Зачем? — не понял сначала он. Потом подал.

— Возьмите, — протянул я его женщине — он называется «Россия».

...Автобус набирал скорость. Мы уезжали.

— Как ее зовут? Кто она? — в один голос спросили Ян и Божена.

— Ах, что я наделал! Забыл даже спросить имя... — вдруг растерялся я. И долго-долго не мог успокоиться.

под командованием маршала бронетанковых войск Рыбалко освободила Прагу».

Невольно перед глазами возникло давнее фото из нашего учебника истории — радостные возбужденные лица пражан, ребенок на руках советского танкиста, прошедшего сквозь гарь боев, вынесшего из пекла жизнь — и России, и Праги...

Через тридцать лет я вступаю там, где происходили эти грозные события.

А вот и магазин сувениров. Опять впечатления — значки, вымпелы, игрушки... За прилавком торговала женщина, уже пожилая, седоволосая, с морщинистым лицом.

— Пожалуйста, что-нибудь уникальное, — попросил я по-русски.

Ян и Божена удивленно смотрели на нас, но не решались вмешаться в разговор.

Во время войны занесло меня сюда... Самая из Ленинграда я, — чувствую, что разговор для нее не из легких. Волновалась. Прятала повлажневшие глаза. — В начале войны копала окопы на подступах к городу. Вернулась — от дома руины остались. Попросилась добровольцем на фронт, кое-как добилась своего. На фронте пришлось быть медсестрой. Потом — плен.

Сказала, словно отрубилась: «Равенсбрюк, Маутхаузен, Дахау». Дернула мускулы лица.

— Что было, вспомнить тошно. Главное, бежала я. Ночью. Через колючую проволоку. Доб-